

ПИРОГОВ

Николай Иванович

«Быть счастливым счастьем других —
вот настоящее счастье и земной идеал
жизни всякого, кто избирает врачебную
профессию».

Н. Пирогов

Страницы жизни
великого хирурга

1810—1881

Время великих

Алексей Киселев

**Николай Пирогов. Страницы
жизни великого хирурга**

«Издательство АСТ»

2017

УДК 61(092) Пирогов Н.
ББК 5г Пирогов Н.

Киселев А. С.

Николай Пирогов. Страницы жизни великого хирурга /
А. С. Киселев — «Издательство АСТ», 2017 — (Время великих)

ISBN 978-5-17-106316-0

Николай Пирогов, коренной москвич и выпускник медицинского факультета Московского университета, прославился прежде всего как профессор Санкт-Петербургской Медико-хирургической академии, полевой хирург и участник обороны Севастополя. Для современников он был примером благородства и самоотверженности, и именно эти качества сам считал обязательными для настоящего врача. Приводимые биографические факты подкреплены цитатами из дневников, писем и документов главного героя, а также из обширного корпуса писем и воспоминаний людей из его окружения. И именно они придают живость и объем хрестоматийной личности. Подробное и добросовестное исследование биографии великого русского врача провел – век спустя – профессор Военно-медицинской академии А. С. Киселёв.

УДК 61(092) Пирогов Н.
ББК 5г Пирогов Н.

ISBN 978-5-17-106316-0

© Киселев А. С., 2017
© Издательство АСТ, 2017

Содержание

Предисловие	7
Глава первая. Москва. Детство, отрочество, университет (1810–1828)	9
Детские годы, училище Кряжева	9
Московский университет	16
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Алексей Киселёв

Николай Пирогов. Страницы жизни великого хирурга

© Текст А. С. Киселёв, 2017

© Оформление ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Николай Иванович Пирогов (1810–1881)

Предисловие

С далеких времен, уходящих в седую старину, когда, по одной из версий нашей истории, в Россию были призваны варяги, всех приглашаемых на новое место энергичных и незаурядных людей стало принято называть «варягами». История утверждает, что позвали варягов потому, что в нашем «Доме» не было порядка. «Земля как есть, обильна / Порядка только нет» – так писал в своей известной балладе, посвященной истории государства Российского, А. К. Толстой еще в середине XIX века [1]. Сделав свое многотрудное и полезное дело, хотя и не завершив его, варяги ушли, но память о них осталась. Она осталась, так как их приход, их мощная и результативная деятельность оказались полезными и плодотворными, несмотря на инертность, а иногда и сопротивление окружавших их современников.

Таким «варягом» для Санкт-Петербургской Императорской медико-хирургической академии стал великий русский хирург Николай Иванович Пирогов.

Н. И. Пирогов – коренной москвич, окончивший медицинский факультет Московского университета. Незадолго до смерти он был удостоен звания почетного гражданина Москвы. Однако прославился Пирогов и стал знаменитым прежде всего как профессор Санкт-Петербургской медико-хирургической академии.

К столетнему юбилею Военно-медицинской (Медико-хирургической) академии, отмечавшемуся в 1898 г., участку Выборгской набережной Невы, на который выходят фасады корпусов бывшего Клинического госпиталя, по ходатайству конференции академии перед городской управой было присвоено имя Пирогова. В академии находятся несколько выдающихся скульптурных и живописных портретов Пирогова. Имеется и много других памятных знаков, связанных с именем Пирогова. Его имя в академии является одним из наиболее почитаемых. Между тем годы работы Пирогова в академии (1841–1856) были далеко не безоблачными, и наряду с его выдающимися успехами и общественным признанием ему пришлось пережить и немало горьких минут.

Исключительно плодотворная деятельность Н. И. Пирогова в Медико-хирургической академии прославила не только его как ученого и хирурга, но и саму академию, а его жизненный подвиг оказался настоящим катализатором научного прогресса медицины, стал ярким примером для всех последующих поколений русских врачей.

Приход Пирогова в академию был не случаен. Ему предшествовали серьезные события, произошедшие в этом учреждении и потребовавшие вмешательства правительства для проведения коренной перестройки академии и приглашения на должности профессоров новых людей, не являвшихся ее воспитанниками.

В конце 30-х годов XIX века, по словам одного из историков пироговского времени Ю. Г. Малиса, из всего состава академических профессоров можно было назвать лишь два-три имени. Остальные принадлежали к тем профессорам, которые, по выражению Гейне, «не имели никакого имени». В академии царила долголетняя идиллия, почти все члены конференции академии были ее воспитанниками. Различие между ними было только в том, что одни были наставниками других [2]. Но что касается хирургической среды, то там, как отмечал В. А. Оппель, когда «Пирогов входил в академию... в полном расцвете сил работали и Х. Х. Саломон и И. В. Буяльский» [3]. А эти хирурги, особенно Буяльский, оставили заметный след в развитии русской хирургии.

Не все благополучно было и в студенческой среде (так тогда назывались курсанты и слушатели академии). Леность и плохое посещение лекций были обычным явлением. Весьма распространенным пороком было и «обращение в пьянство» и неразрывно связанное с ним «буянство» различного рода. Это наблюдалось на улицах, в общежитии и даже в клиниках [4]. Чтобы как-то повысить дисциплину среди студентов академии, ее президент Я. В. Виллие в 1830 г.

учредил в каждом классе (курсе) обязанности надзирающих за товарищами старших студентов – Seniores, к которым допускались только лучшие по своим нравственным качествам и успехам [5]. Апогеем распушенности студентов академии явился дерзкий поступок студента-фармацевта из поляков, Ивана Сочинского. Это случилось 10 сентября 1838 г. на обычном заседании конференции академии. Со словами «Варвар, ты обреченная моя жертва» Сочинский с ножом бросился на профессора химии С. Я. Нечаева, который регулярно ставил студенту неудовлетворительные оценки. Увидев перед собой поднятый нож, почтенный профессор стал защищаться креслом, а его сосед профессор-терапевт О. Ф. Калинин схватил Сочинского за руку. Ударом ножа Калинин был ранен в живот. Ранены были еще несколько человек, пытавшиеся усмирить студента.

Сочинского сурово наказали. По приговору суда его – в присутствии студентов и профессоров академии – прогнали сквозь строй, где ему было нанесено 1000 ударов шпицрутенами. После этой экзекуции он скончался [6].

Император Николай I решил наказать не только студента, но и саму академию. Высочайшим указом Правительствующему Сенату 27 ноября 1838 г. Санкт-Петербургская Императорская медико-хирургическая академия была подчинена военному министерству, по департаменту военных поселений [7].

Переход академии из Министерства внутренних дел в военное в указе был дипломатично объяснен тем, что учреждение это, собственно, предназначено для снабжения медицинскими чинами армии и флота. Ближайшее начальство над академией, с подчинением ее военному министерству по департаменту военных поселений, было вверено директору департамента генерал-лейтенанту и генерал-адъютанту графу П. А. Клейнмихелю, сподвижнику графа А. А. Аракчеева.

Карательная мера, примененная к Медико-хирургической академии, оказалась, что бывает редко, благотворительной. Клейнмихель в основу задуманного им преобразования положил одну весьма здравую мысль. Он решил заместить все вакантные должности и вновь открывающиеся кафедры новыми для академии людьми – профессорами, получившими образование в университетах. «Подсказал ли кто Клейнмихелю эту мысль, или она сама, как Минерва из головы Юпитера, вышла в полном вооружении из головы могущественного визиря – это осталось мне неизвестным. Только в скором времени в Конференцию вместо одного профессора, получившего университетское образование, явились целых восемь, и это я считаю важной заслугой Клейнмихеля. Без него академия и до сих пор, может быть, считала бы вредным для себя доступ чужаков в состав Конференции», – пишет Пирогов в своем «Дневнике старого врача» [8].

Не только Клейнмихель, опекавший по служебному положению академию, но и военный министр князь А. И. Чернышев способствовали тому, что академия смогла получить в свою среду многих известных профессоров из русских университетов. Неудивительно, что, как пишет Ю. Г. Малис, «профессора-аборигены» встретили «профессоров-варягов» далеко не с распростертыми объятиями.

На вновь открытые кафедры были приглашены профессора из российских университетов. Первыми среди них были К. К. Зейдлиц, К. М. Бэр, П. А. Дубовицкий и Н. И. Пирогов. Все они своей деятельностью оставили яркий след в академии.

Глава первая. Москва. Детство, отрочество, университет (1810–1828)

Детские годы, училище Кряжева

Страницы жизни выдающегося человека, каким является Николай Иванович Пирогов, будут, очевидно, неполны, если мы ограничимся рассмотрением только одних трудов и достижений, обессмертивших его имя, тех страданий и препятствий, которые ему пришлось преодолевать, и при этом упустим из виду детские и юношеские годы, посчитав их малозначащими и неинтересными. Между тем именно в эти годы, в кругу семьи и близких знакомых, когда происходит воспитание ребенка, закладываются главные черты характера человека, слагающиеся из отдельных поступков и привычек, возникающих еще в раннем детстве. Им сопутствуют различные, нередко случайные обстоятельства, без которых не обходится ни одна жизнь. Все это помогает понять формирование особенностей характера личности, определяющих ее судьбу. Старинная китайская поговорка, с которой не поспоришь, пророчит: «Посеешь поступок – пожнешь привычку, посеешь привычку – пожнешь характер, посеешь характер – пожнешь судьбу».

Справедливость этой народной мудрости подтверждает вся жизнь великого хирурга, и мы приступим к ее рассмотрению с самого начала.

* * *

Николай Иванович Пирогов родился 13 ноября 1810 г. в Москве в многодетной семье казначея московского провиантского депо Ивана Ивановича Пирогова. Его мать Елизавета Ивановна полностью отдавала себя воспитанию детей, которых было 14. Николай Иванович стал 13-м ребенком и оказался фактически самым младшим, так как последний мальчик умер вскоре после рождения. Во время детства Николая Ивановича осталось только шесть детей: трое сыновей и столько же дочерей. Из этих шестерых умер еще один, не достигший пятнадцатилетнего возраста, – его брат Амос, с которым он был очень близок. Будучи самым младшим и последним по счету из детей, маленький Николай пользовался вниманием со стороны всех домочадцев.

Давно замечено, что в семьях, где царят любовь и уважение к детям, чаще вырастают счастливые и отзывчивые люди, полезные для общества. В семье Пироговых дети воспитывались окруженные любовью и вниманием родителей. В доме была благоразумная строгость, чистота, порядок, уют домашней жизни, взаимное уважение между членами семьи, наконец, царившее в доме трудолюбие оказывали исключительно благотворное влияние на психику ребенка.

Отец был отличным семьянином, внимательным к своим детям, часто делал им подарки, дарил книги, расширяющие их кругозор. Николай Иванович, вспоминая с любовью свою мать, пишет, как он любовался ее цветастым платьем, ее светлыми локонами, выглядывавшими из-под красивого чепца. Он считал ее красавицей, гордился мамой и с жаром целовал ее тонкие руки, вязавшие для него чулки. Эту любовь к матери Николай Иванович сохранил до конца своих дней.

Благотворное влияние оказывали на мальчика няня Катерина Михайловна и служанка Прасковья Кирилловна. Няня, солдатская вдова из крепостных, рано лишившаяся мужа, поступила в дом Пироговых еще в молодости. Она имела удивительно мягкий характер. Нико-

лай Иванович вспоминает, что не слышал от нее ни одного бранного слова. Она всегда с любовью и ласкою умела остановить упрямство и шалость ребенка. Мораль ее была самая простая и всегда трогательная, потому что выходила из любящей души: «Бог не велит так делать, не делай этого, грешно!» – и ничего более. Прасковья Кирилловна, крепостная служанка матери, была плотная, коренастая женщина, с толстыми, красными, как гусиные лапы, руками. Ее лицо было истыкано оспой и усеяно веснушками. Она была настоящей народной сказительницей, и ее сказки мальчик слушал с наслаждением, вплоть до поступления в университет. Эти сказки, которые она рассказывала ему по вечерам перед сном, оказывали на него большое воздействие и с раннего детства воспитывали любовь к родному языку. В последующем, когда Пирогов приехал на рождественские каникулы к матери в Москву из Дерпта, пробыв 4 года в Прибалтийском свободном крае, где было отменено крепостное право, он настоял у матери отпустить этих женщин на волю. Но оказалось, что у матери не было документов на крепость и она сама боялась попасть под суд. С молодой няней, красивой женщиной, все вышло благополучно, она вышла замуж без всяких документов. Прасковья Кирилловна получила вольную только в Петербурге, когда Пирогов, уже профессор Медико-хирургической академии, добился ее освобождения, как он пишет в своих воспоминаниях, «с помощью 25 рублей, преподнесенных квартальному надзирателю».

Николай Иванович отзывался с осуждением о тех русских дворянских семьях, где первым языком детей был иностранный, обычно французский. Живя в России, они с детства разговаривали не на родном языке, при этом ребенок часто думал также не по-русски. Какая же после этого у ребенка могла развиваться любовь к своему отечеству?!

Сестры были гораздо старше Николая, они любили младшего брата и охотно принимали участие в его воспитании. Старший брат Петр был уже на службе, средний брат Амос, с которым тесно дружил Николай, был старше его на несколько лет.

Семья жила в достатке. Отец сверх порядочного жалованья по казначейству имел доход и от ведения частных дел, получая приглашения как хороший законовед. Дом их был просторный и веселый, имел небольшой сад и цветник. Позже, когда Николай Иванович вышел в отставку и приобрел имение «Вишня», он разбил прекрасный сад и цветник, к которым привык с раннего детства. Во время пожара Москвы в 1812 г. их дом сгорел, и после возвращения семьи его пришлось заново отстраивать.

Мальчик начал читать почти самоучкой с 6 лет, пользуясь помощью сестер и брата Амоса. У него была иллюстрированная азбука, подаренная отцом. В этой азбуке каждой букве сопутствовали картинки, посвященные недавним событиям 1812 г. Это были карикатуры на французских захватчиков с соответствующими подписями. Так, первая буква «А» представляла глухого мужика и бегущих от него в беспорядке французских солдат и имела такую подпись:

Ась право глух, Мусье, что мучить старика,
Коль надобно чего, спросите казака.

Буква «Б» иллюстрировалась Наполеоном, скачущим в санях вместе с Даву и Понятовским на запятках, и была такая надпись:

Беда, гони скорей с грабителем московским,
Чтоб в сети не попасть с Даву и Понятовским.

Букве «В» сопутствовала картинка, на которой французские солдаты раздирают на части пойманную ворону и один из них, изнуренный голодом, держит лапку, а другой, валяясь на земле, лижет пустой котелок. Ей сопутствовала такая подпись:

Ворона так вкусна, нельзя ли ножку дать,
А мне из котелка хоть жижи полизать.

Тогда же в народе появилась целая россыпь новых слов, представляющих собой презрительные клички оккупантов, которые возникли в этот период русской истории: шаромыжник, шваль, шантрапа... Первые две клички связаны с проявлением презрения к оборванным и голодным «завоевателям мира». Так, *cher ami*, означающее по-французски «дорогой друг», было обращением отступающих голодных солдат, просящих что-либо съестного у крестьян, оно превратилось затем в *шаромыжник*, а *cheval*, по-французски «лошадь» (крестьяне говорили, французы падшую конину едят), превратилось в *шваль*. Происхождение слова *шантрапа* связано с несколько более поздним временем. Этим словом мы обязаны тем русским, которые брали к себе на службу плененных французов. Когда те, став гувернерами, учителями и руководителями крестьянских театров, отбирали, например, певцов в помещичий хор, то, прослушав бесперспективного кандидата, махали рукой и выносили вердикт: «*Chantra pas*», что означало «к пению не годен». Выражение стало расхожим, определяющим никчемность человека, пустого, ненадежного, проходимца, а далее стало собирательным для негодяев и всякого сброда.

Одним словом, исторический контакт двух великих наций оставил в русской народной филологии свои неистребимые следы.

Детство Николая Ивановича было наполнено переживаниями этого великого события в русской истории. Победа русского народа над французами развила и укрепила в мальчике любовь к своей отчизне. Он с восхищением слушал рассказы о недавней войне, и в нем зарождалась гордость за свое отечество.

Комментируя этот период своей жизни, Николай Иванович в своем «Дневнике старого врача» заметил, что в дальнейшем, когда ему пришлось долгие годы своей жизни (в период с 17 до 30 лет) находиться в окружении чуждой ему народности, жить, учиться и учить, он не потерял привязанности и любви к своей отчизне, хотя потерять ее в ту пору, как он полагает, было легко: «Жилось в отчизне не очень весело и не так привольно, как хотелось бы жить в 20 лет» [9]. И он объясняет это своим воспитанием в детские годы, которые были наполнены гордостью великой победы русского народа над пришедшей в Россию наполеоновской армией. «Не родился я в эпоху русской славы и искреннего народного патриотизма, какой были годы моего детства, едва ли из меня вышел космополит. Я так думаю потому, что у меня очень рано развилась вместе с глубоким сочувствием к родине какая-то непреодолимая безразличность к национальному хвастовству, ухарству и шовинизму» [10].

Азбука развила у Николая Ивановича не только любовь к отчизне, но и интерес к чтению, который у него возрастал с каждой новой прочитанной книжкой. Заметив эту многообещающую черту младшего сына, отец стал приносить ему новые книги, развивавшие его любознательность. Чтение детских книг стало для Николая Ивановича истинным наслаждением. Мальчик с нетерпением ожидал очередного книжного подарка от отца. Появляются и прочитываются одна за другой масса книг, которые показывают, что в начале XIX века в России уделялось значительное внимание развитию детей. Вот названия только некоторых книг, прочитанных Пироговым в детстве: «Зрелище вселенной», «Золотое зеркало для детей», «Детский вертоград», «Детский магнит», басни Эзопа и индийского философа Пильпая. Все они были с картинками, читались и перечитывались по нескольку раз, и, как вспоминал Николай Иванович, читались с аппетитом, как лакомство. Далее пошло «Детское чтение» Карамзина в 12 книгах, которое очень занимало мальчика.

Русский Геродот, оказывается, писал историю не только для взрослых, но и для детей!

Все эти исторические сюжеты, ярко описанные Карамзиным, остро воспринимались детской памятью и прочно закладывались на всю жизнь. Николай Иванович вспоминал, что прочитанное не изгладилось из памяти и в его преклонные годы.

Эта возникшая в детстве страсть к чтению книг, к познанию нового стала со временем его постоянной и довлеющей привычкой. Детство до 13–14 лет, как говорил потом Николай Иванович, оставило о себе самые приятные воспоминания.

Среди знакомых, часто посещавших дом Пироговых, был лекарь Московского воспитательного дома Григорий Михайлович Березкин, бывший большим знатоком лекарственных трав. Он смог заинтересовать ими смышленного и любознательного мальчика и увлечь его собирать полезные растения в пригороде Москвы, а затем составлять гербарий. Нельзя не напомнить, что Московский воспитательный дом, где служил Березкин, а затем и такой же Петербургский на Мойке, ставший со временем известным в нашей стране Педагогическим университетом, были учреждены еще в екатерининские времена по инициативе одного из видных деятелей русской культуры И. И. Бецкого¹.

Доктор Березкин очень хорошо читал басни Крылова, которые, как пишет Николай Иванович, тогда были в ходу. Детей еще не заставляли их заучивать, однако мальчик по собственной инициативе со слов выучил наизусть несколько басен – «Квартет», «Демьянову уху» и «Тришкин кафтан». Тогда же он познакомился и с поэзией Жуковского. Его романтические баллады «Людмила» и «Светлана» Николай декламировал к большому удовольствию домашних слушателей, читал их с пафосом и с различными жестами.

Другим знакомым семьи Пироговых, посещавшим их дом, был старик-оспопрививатель Андрей Михайлович Клаус, который делал прививки от оспы всем членам их семьи. До Москвы Клаус жил в Уфе, был городским акушером и, между прочим, лечил мать известного русского писателя С. Т. Аксакова, автора «Семейной хроники». Андрей Михайлович рассказывал детям различные случаи из своей жизни, внушал им правила гигиены. Тогда же Николай Иванович впервые познакомился с микроскопом. Это был маленький карманный микроскоп, который доктор всегда носил с собой. Он с удовольствием показывал детям различные микроорганизмы, которые плавали в капле воды.

Первый домашний учитель был приглашен к Николаю на девятом году жизни. Время его появления мальчику запомнилось, так как оно совпало с рождением в Москве будущего государя Александра II и связанным с этим событием посещением вместе с родителями Троице-Сергиевой лавры. Семья Пироговых была глубоко верующей, почитавшей императора, она жила по знаменитой церковной заповеди: «Бога бойтесь², царя чтите». Это назидание можно было нередко видеть на стенах многих церковных храмов, которых в Москве было «сорок сороков».

Учитель, молодой красивый человек, был студентом Московского университета. С ним Николай начал изучать латинскую грамоту. Студент любил сочинять стихотворные приветствия, одно из которых, посвященное отцу, заставил Николая выучить.

Вторым учителем был низенький, невзрачного вида студент, но учился он не в университете, а в Московской медико-хирургической академии, которая была основана одновременно с Петербургской, но в 1840-х годах расформирована. Николай удивил его, как студента-медика, своим знанием латинской грамматики. Поэтому уже на другой день он принес латинскую хрестоматию Кошанского и заставил Николая делать из нее переводы. Этот второй учитель был большим любителем поэзии, и при нем Николай выучил многие стихотворения Жуковского. Больше всего он полюбил героическую поэму Жуковского «Певец во стане Русских воинов»,

¹ Воспитательные дома, принимавшие подкидышей и беспризорных младенцев, имели целью воспитать свободных людей для создания в России третьего сословия. Однако, как и большинство других начинаний в дореволюционной России, они не достигли своей цели (Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. – СПб., 1903. – Т. XXXVIII. – С. 467–468).

² Соответствует церковному правописанию.

написанную поэтом в 1812 г. Мальчика вдохновляли и захватывали дух особенно такие возвышенные строки из поэмы, как:

И честь вам, падшие друзья! Ликуйте в гордой сени...
«От них учитесь умирать!» – Так скажут внукам деды.

Из детских забав и игр у Николая Ивановича остались в памяти две главные – игра в войну (любимая забава в период его обучения в школе) и игра в лекаря, как бы предвосхитившая его будущую судьбу.

Все началось с того, что к его брату Амосу, долго болевшему ревматизмом, был приглашен профессор Ефрем Осипович Мухин. Николай Иванович вспоминал, с каким благоговением готовились все домашние к визиту знаменитого московского доктора. Вся эта внешняя обстановка, царившая в доме, приготовление, ожидание, приезд кареты, запряженной четверкой лошадей, с лакеем в ливрее на запятках кареты, величественный вид знаменитой личности произвели неизгладимое впечатление на мальчика. Он внимательно смотрел на поведение доктора у постели больного. Но решающее впечатление на Николая и все семейство произвело быстрое выздоровление брата. До этого ребенка лечили пять или шесть врачей, однако болезнь прогрессировала и ежедневно были слышны стоны из комнаты больного. После посещения профессора не прошло и нескольких дней, как брат стал поправляться. Все домашние были поражены таким благоприятным исходом, который воспринимался как волшебство. В доме много толковали о чудедействии Мухина, назначившего после осмотра мальчика серные ванны с сассапарельным корнем³.

После счастливого излечения брата Николай однажды попросил кого-то из домашних лечь в кровать, а сам, приняв вид и осанку доктора, важно подошел к мнимобольному, пощупал пульс, посмотрел на язык, дал какой-то совет и, попрощавшись, с важным видом вышел из комнаты. После этого Николай неоднократно разыгрывал роль доктора.

Этот яркий пример – одно из тех случайных обстоятельств, которые могут уже в раннем детстве решительно повлиять на дальнейший жизненный путь человека. И, подтверждая это, Николай Иванович в своих воспоминаниях пишет: «Не знаю, получил ли бы я такую охоту играть в лекаря, если бы вместо весьма быстрого выздоровления брат мой умер. Но счастливый успех, сопровождаемый эффектной обстановкой, возбудил в ребенке глубокое уважение к искусству, и я с этим уважением именно к искусству начал впоследствии уважать и науку» [11].

Игра в лекаря так полюбилась Николаю, что он не мог с ней расстаться, даже поступив в университет. Как-то увидев на первом курсе камнесечение мочевого пузыря, он решил продемонстрировать эту операцию и повеселить знакомых молодых людей, собравшихся в гостях на святках. Для этого Николай достал где-то бычий пузырь и положил в него кусок мела. Товарища, который согласился участвовать в этом представлении, он попросил лечь на стол и поместил между бедрами этот пузырь. Затем, к всеобщему удовольствию, он быстро извлек из него кусок мела с соблюдением всех правил, предписанных Цельсом: *tuto, cito et jucunde*⁴.

Пройдут годы, и эту операцию Николаю Ивановичу придется продемонстрировать в Дерпте, уже на больном мальчике. Он проведет ее с блеском. С успехом будут сделаны и другие операции, которые позволят коллегам смотреть на Пирогова как на блестящего и умелого оператора.

³ Сассапарель – дикорастущий в тропиках кустарник, кора которого, содержащая смолу, горькие экстрактивные вещества и органические кислоты, применялась в медицине (Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. – СПб., 1900. – Т. XXVIII. – С. 456).

⁴ Безопасно, быстро, приятно (лат.).

* * *

Родители, особенно мать, пишет в воспоминаниях Николай Иванович, имели своеобразное представление о воспитании и обучении детей. Так, мать считала, что если воспитание необходимо всем, то обучение наукам необходимо только сыновьям и вредно для дочерей, полагая, что девочки не должны были по образованию стоять выше матери. Впоследствии она об этом горько сожалела.

Гимназии в Москве в то время не пользовались хорошей репутацией, и родители, желая дать мальчикам хорошее образование, не пожалели своих средств, в то время уже довольно ограниченных, и отдали детей в одно из лучших в Москве частных училищ Василия Степановича Кряжева. Оно называлось «Своекоштное отечественное училище для детей благородного звания» и находилось недалеко от дома Пироговых. Николаю к этому времени исполнилось 12 лет. В училище были талантливые преподаватели, имена которых Николай Иванович запомнил на всю жизнь. Здесь уделялось достаточное внимание языкам, истории, географии и математике. Иностранные языки преподавал сам Кряжев, знавший несколько европейских языков. Он издал учебники, по которым учились дети. Русский язык и литературу преподавал кандидат Московского университета Войцехович, который смог привить детям любовь к слову. Николай Иванович вспоминает: «Слово с самых ранних лет оказывало на меня, как и на большую часть детей, сильное влияние; я уверен даже, что сохранившимся во мне до сих пор впечатлениям я гораздо более обязан слову, чем чувствам. Поэтому немудрено, что я сохраняю почти в целости воспоминания об уроках русского языка нашего школьного учителя Войцеховича; у него я, ребенок 12 лет, занимался разбором од Державина, басен Крылова, Дмитриева, Хемницера, разных стихотворений Жуковского, Гнедича, Мерзлякова. О Пушкине в школах того времени, как видно, говорить не позволялось». Николай Иванович с гордостью вспоминает: «Я был, судя по отличным отметкам, которые он (Войцеховский. – А.К.) мне всегда ставил в классном журнале на уроке, лучшим из его учеников» [12].

Все это очень напоминает знаменитый Царскосельский лицей и свидетельствует, что близкое к нему достойное образование в России давалось и в других учебных заведениях.

Во время двухлетнего школьного учения (которое должно было продолжаться шесть лет) в семье Пироговых стряслось несколько бед.

Сначала умерла после родов старшая замужняя сестра, через год скончался от кори брат Амос, с которым Николай обучался в училище Кряжева. Другой старший брат – Петр, проиграв в карты все свои сбережения, запустил службу и должен был уволиться. Одновременно он, как вспоминал Николай Иванович, женился на какой-то невзрачной особе без позволения отца. Кутежи, мотовство и растрата казенных денег старшим братом стоили отцу немалых средств и забот. И в это же самое время случилась еще одна беда, вконец разорившая их дом и приведшая отца в могилу. Одним словом, как говорится в известной русской поговорке, – «пришла беда, отворяй ворота».

Одному из комиссионеров, подчиненному отцу, он, по приказу свыше, выдал тридцать тысяч рублей для срочной отправки на Кавказ. Однако комиссионер отправился не на Кавказ, а в «бега». Розыски его ни к чему не привели. Деньги были выданы Иваном Ивановичем как ответственным казначеем, и поэтому вся ответственность была возложена на него, тем более что при выдаче денег не были соблюдены какие-то формальности. Иван Иванович, сбережениям которого накануне нанес удар старший сын, должен был возместить утраченную сумму. Для этого пришлось описывать все имение и все наличное в казну, включая дом, мебель, платье. Николай Иванович на склоне лет не забыл, как мать и сестры плакали, укладывая в сундуки разный скarb. Он пишет, что после этой катастрофы отец вышел в отставку, занялся исключи-

тельно частными делами, но прежняя энергия уже не возвращалась; пришлось войти в долги, и в перспективе открывалась бедность; средств на его образование хватало с трудом.

В семье вводится строгая экономия, начинают считаться копейки, продаются оставшиеся неописанными вещи. Как ни любила семья Николая, но из-за отсутствия денег его после двухлетнего обучения забирают из пансиона Кряжева.

Переживая за дальнейшую судьбу сына, который имел очень хорошие отзывы от учителей пансиона, отец решил обратиться за советом к упоминавшемуся выше профессору Московского университета Ефрему Осиповичу Мухину – «уже поставившему одного сына на ноги, авось поможет и другому».

«Непременно предопределено было Е. О. Мухину повлиять очень рано на мою судьбу. В глазах моей семьи он был посланником неба; в глазах десятилетнего ребенка, каким я был в 20-х годах нашего века, он был благодетельным волшебником, чудесно исцелившим лютые муки брата. Родилось желание подражать; надивившись на доктора Мухина, начал играть в лекаря; когда же мне минуло 14 лет, Мухин, профессор, советует отцу послать меня прямо в университет, покровительствует на испытании» [13].

Ефрем Осипович принял Ивана Ивановича очень радушно, внимательно выслушал и настоятельно рекомендовал готовить способного мальчика к поступлению в университет, несмотря на его 14-летний возраст. В то время в университет принимали с 16 лет, но Мухин обещал свое покровительство.

Иван Иванович упросил священника, и тот за определенную мзду изменил возраст, в котором крестился его сын, добился через церковную канцелярию, чтобы в формулярном списке Ивана Пирогова «значился в числе прочих его детей, законно прижитых в обер-офицерском звании, сын Николай, имеющий ныне от роду шестнадцать лет». Далее по совету секретаря правления университета для приготовления сына к поступлению в университет наняли студента медицинского факультета Филимонова, кончавшего курс. Занятия со студентом, поселившимся у них в доме, ограничивались в основном латинской грамматикой и переводами с латинского.

Московский университет

11 сентября 1824 г. в Правление Императорского Московского университета от Николая Пирогова поступило «Прошение» о зачислении его в качестве своекоштного студента медицинского (врачебного) отделения, в котором говорилось:

«Родом я из обер-офицерских детей, сын комиссионера 9-го класса Ивана Пирогова. От роду мне имеется 16 лет, обучился напервое в доме родителей моих, а потом в пансионе г-на Кряжева: закону божью, российскому, латинскому, немецкому и французскому языкам, истории, географии, арифметике и геометрии. Ныне же желаю учение продолжить в Университете, в звании студента; посему Правление Императорского Московского Университета покорнейше прошу допустить меня, по надлежащим испытаниям, к слушанию профессорских лекций и включить в число своекоштных студентов медицинского отделения. Свидетельство же о роде моем и летах при сем прилагаю.

К сему прошению Николай Пирогов руку приложил.

Сентября 11 дня 1824 года» [14].

На вступительном экзамене в университет, который состоялся 22 сентября, был, как и обещал, Е. О. Мухин. Он присутствовал как декан медицинского факультета, что не могло не ободрить абитуриента, и экзамен закончился успешно.

После экзамена отец повез сына в часовню Иверской Богоматери, где был отслужен благодарственный молебен с коленопреклонением. Николай Иванович запомнил слова своего расстроганного отца, когда они выходили из часовни: «Не видимое ли это Божие благословение, Николай, что ты уже вступаешь в университет? Кто мог этого надеяться!»

Затем они заехали в кондитерскую, где последовало угощение шоколадом и сладкими пирожками. Ведь студенту было только 14 лет!

* * *

24 сентября 1824 г. младший сын Ивана Ивановича Пирогова был зачислен студентом 1-го курса врачебного отделения Московского университета. Началось посещение лекций. Троицкий приход в Сыромятниках, где жили Пироговы, не был близок к университету, поэтому в обеденное время Николай оставался у своего знакомого и бывшего своего репетитора студента Феоктистова и только вечером в 4–5 часов возвращался на извозчике домой. Впоследствии, после ухудшения материального положения семьи, ему пришлось весь путь к университету и обратно проделывать пешком, и это занимало немало времени.

Феоктистов жил в корпусе, предназначенном для казеннокоштных студентов, расположенном на территории университета. Это было, по современным понятиям, студенческое общежитие. В 10-м номере, который занимал Феоктистов, вместе с ним жили еще пять студентов, все они были значительно старше Николая.

Первые впечатления, полученные новоиспеченным студентом от знакомства с постояльцами 10-го номера, оказались столь ошеломительны, что остались в его памяти на всю жизнь. Ведь он был еще только 14-летним подростком, жившим в патриархальной семье, в окружении благовоспитанных женщин – матери, сестер и их служанок.

Когда Николай в первый раз вошел в большую комнату, уставленную вдоль стен пустыми кроватями, то увидел на каждом прикроватном столике небрежно набросанные стопки книг и тетрадей. На одной из кроватей валялась фуражка с длинной надписью на латинском языке, которую Николай тут же перевел и узнал, что владелец ее некий Чистов, «благороднейший

студент». Вскоре дверь начинает беспрестанно отворяться и затворяться, с шумом являются одно за другим все новые и новые лица, которые весьма приветливо знакомятся с Николаем. Среди них вошел и «благородный» Чистов, студент с испитым лицом. Однако при этом он оказался большим знатоком римских классиков. Вот он заваливается на кровать, берет со стола книжку и, обращаясь к Николаю, спрашивает его, с какими римскими авторами он знаком. Видя, что пришедший студент краснеет, Чистов начинает читать ему «Метаморфозы» Овидия. И, как потом замечает Николай Иванович, он тут же узнал и научился у Чистова больше, чем за все время приготовления к университету от Феоктистова.

Пройдет много лет, и уже на закате жизни в своем имении «Вишня» Николай Иванович будет обучать мальчика-водовоза – Уриэля Окопника – по текстам римских классиков.

Чего только не насмотрелся и не наслышался Николай в этом 10-м номере общежития, и все это, конечно, не могло не воздействовать на впечатлительного подростка. Является, например, в комнату какой-то гость Чистова, хромой, бледный, с растрепанными волосами молодой человек, которого, по мнению Николая Ивановича, можно было бы причислить к появившимся впоследствии нигилистам. Он говорит, захлебываясь от волнения и обдавая своих собеседников брызгами слюны. В разговоре быстро, скачками переходит от одного предмета к другому, никого не слушая и не принимая никаких возражений. Вдруг он восклицает: «Да что Александр I, куда ему, он в сравнении Наполеону не годится. Вот гений, так гений!... А читали вы Пушкина “Оду на вольность”? А?»... «Стыдно, господа, стыдно, право, стыдно!» Кто-то вскакивает со своей кровати и кричит во все горло: «Слушайте, подлецы! – кто там из вас смеет толковать о Пушкине? Слушайте, говорю!» – и, потрясая стулом, закатывая глаза, начинает декламировать оду «Вольность»:

Самовластительный злодей!
Тебя, твой трон я ненавижу.
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостью предвижу.

Николай Пирогов, воспитанный в благочестивой семье с почитанием к монарху, пораженный всем услышанным, стоит, не проронив ни слова.

Все запрещенные стихи, такие как ода «Вольность», «К временщику» Пушкина, «Где те, братцы, острова» Рылеева и другие, здесь ходили по рукам, читались с жадностью, переписывались и перечитывались сообща при каждом удобном случае.

За исключением одного или двух, все обитатели 10-го номера были из духовного звания, и от них-то и наслышался Николай таких вещей о попах, богослужении, обрядах, таинствах и вообще о религии, что его на первых порах, как вспоминает Николай Иванович, «мороз стал по коже продирать». Свое новое мировоззрение, возникшее после услышанных богохульных речей, Николай стал озвучивать дома, чем очень опечалил свою благочестивую и богомольную матушку.

Были и кутежи, когда приносилась водка. Закуской была не только колбаса, но и паюсная икра. Тогда начинались еще более откровенные беседы. Так, однажды один из студентов вдруг сообщил Николаю, что состоит в тайном масонском обществе. На вопрос Николая, что же это такое и зачем оно, получает ответ: «Надо же положить конец правительству, ну его к черту!» А ведь совсем недавно от Николая, как и от других студентов, потребовали дать подписку с обязательством не вступать ни в какие тайные общества.

В этом бурном, шумном десятом номере, наполненном вольнолюбивыми высказываниями, как вспоминает Николай Иванович, началось развитие и становление его мировоззрения, на которое смелые речи студентов порой оказывали гораздо большее влияние, чем лекции знаменитых профессоров.

Интересно наблюдение Николая Ивановича о последующей трансформации мировоззрения своих прежних товарищей спустя годы: «Я встречался не раз в жизни с прежними обитателями 10-го номера и с многими другими товарищами по Дерптскому и Московскому университетам, закоренелыми приверженцами всякого рода свободомыслия и вольнодумства, и многих из них видел потом тише воды и ниже травы, на службе, семейных, богомольных и посмеивающихся над своими школьными (как они их называли) увлечениями. Того господина, например, из 10-го номера, который горланил во всю ивановскую “Оду на вольность”, я видел потом тишайшим штаб-лекарем, женатым, игравшим довольно шибко в карты и служившим отлично в госпитале».

Не менее интересны и дальнейшие рассуждения Пирогова, основанные на его большом жизненном опыте. Так, он продолжает:

«Известное и переизвестное дело, что этот разряд университетской молодежи дает впоследствии значительный контингент отличных доцентов, чиновников-бюрократов, пасторов, докторов и пр. Перебесятся – и людьми станут. *Die Jugend muss austoben*»⁵ [15].

Действительно, очень интересная и, очевидно, справедливая мысль для всех поколений.

Но не только вольнолюбивые речи и суждения слышал Николай от своих старших товарищей. Они помогали ему в учебе, делились знаниями и давали полезные советы, снабжали его различными анатомическими препаратами, которые, скорее всего, судя по просверленным в них дыркам, были похищены от скелетов анатомического театра профессора Лодера. Эти драгоценные для него подарки Николай раскладывал дома по ящикам пустого комода, вызывая слезы и тихий ужас от вида человеческих костей у богобоязненных домочадцев.

У одного из студентов этого 10-го номера был замечательный гербарий. Его, как полагает Николай Иванович, вероятно, составил какой-нибудь ученый аптекарь-немец, потому что все было сделано чисто, аккуратно и красиво. Все собранные медицинские растения, а их было около 500, оказались прекрасно засушенными, наклеенными каждое на отдельный лист бумаги, классифицированы по Линнею, и каждый лист с растением вложен в специальное отделение. Николай, которому еще в детские годы их друг семьи лекарь Григорий Михайлович Березкин привил любовь к лекарственным травам, был настолько очарован и восхищен этим гербарием, что решился его купить, не получив разрешения от родителей. Гербарий стоил 10 рублей, что для семьи Пироговых, находящейся в стесненном материальном положении, были большие деньги. Поставив родителей пред свершившимся фактом, Николай уговорами, слезами и угрозой не ходить на лекции, если не будет оплачен гербарий, добился от них согласия.

«С этих пор гербарий доставлял мне долго, долго неописанное удовольствие; я перебирал его постоянно и, не зная ботаники, заучил на память наружный вид многих, особенно медицинских, растений. Летом ботанические экскурсии были моим главным наслаждением, и я непременно сделался бы порядочным ботаником, если бы нашел какого-нибудь знающего руководителя; но такого не оказалось, и мой драгоценный гербарий, увеличенный мной и долго забавлявший меня, сделался потом снедью для моли и мышей; однако же целых 16 лет он просуществовал, сберегаемый без меня матушкой, пока она решила подарить его какому-то молодому студенту», – вспоминал Николай Иванович впоследствии [16].

Эта любовь Николая Ивановича к лекарственным растениям сохранилась у него до старости. И спустя многие годы в его усадьбе «Вишня» был разбит аптекарский огород, где выращивались различные лекарственные растения, используемые для лечения многочисленных больных, приезжавших лечиться к старому профессору.

⁵ Молодость должна отбушеваться (нем.).

* * *

После смерти отца Николая – Ивана Ивановича, наступившей 1 мая 1825 г., когда Николай учился еще на первом курсе, материальное положение семьи стало крайне тяжелым. Не прошло и месяца после его внезапной смерти, как семья лишилась дома и всего, что в нем находилось ценного, которое пришлось отдать казне и частным кредиторам. В это время им на помощь пришел троюродный брат отца, Андрей Филимонович Назарьев, сам обремененный семейством. Он предложил Пироговым переехать в его небольшой дом у Пресненских прудов, предоставив в их распоряжение мезонин с тремя комнатами. Жили они в доме дяди, не платя ничего за квартиру, более года, а затем переехали на наемную квартиру, в которой сами стали сдавать одну половину внаем, что хоть как-то помогало сводить концы с концами.

Все неурядицы в семье, однако, не нарушали учебу Николая в университете, и его жизнь шла по-прежнему, только теперь ему пришлось забыть об извозчиках и ходить в университет пешком в любую погоду, что требовало немало времени и сил.

Николай Иванович с благодарностью вспоминает о бескорыстной помощи своих родных, которые взяли на себя все материальные и хозяйственные заботы, предоставив ему возможность продолжить и закончить учебу в университете.

«Три женщины (мать и две старших сестры. – А.К.) содержали меня своим трудом. Кое-какие крохи, оставшиеся после разгрома отцовского состояния, недолго тянулись; мать и сестры принялись за мелкие работы; одна из сестер поступила надзирательницей в какое-то благотворительное детское заведение в Москве и своим крохотным жалованьем поддерживала существование семьи». Более того, мать не хотела, чтобы Николай перешел на положение стипендиата или казеннокоштного студента. «Это считалось как будто чем-то унижительным: “Ты будешь, – говорила она, – чужой хлеб заедать; пока хоть какая-нибудь есть возможность, живи на нашем”. Так и перебивались, как рыба об лед» [17].

Студенческая жизнь в Московском университете до кончины императора Александра I была относительно привольной. Князь Оболенский, попечитель университета, почти не появлялся. Студенты его видели только на актовом дне. Мундиры студенты еще не носили. Но начиная со вступления на престол Николая I и декабрьского события 1825 г., произошедшего на Сенатской площади в Петербурге, мы, пишет Николай Иванович, «почувствовали перемену в воздухе». Князя Оболенского сменил новый попечитель – генерал Писарев, имевший неприятный голос и поэтому получивший от студентов презрительную кличку Фагот. Он стал тут же наводить дисциплину, посещая лекции и конфликтуя не только со студентами, но и с профессорами. Одним словом, начались времена, которые в русской истории известны как николаевские.

Университет, вскоре после воцарения, посещает и сам император Николай I. Он приехал на дрожках и, никем не замеченный, кроме сторожа, отставного гвардейского солдата, пошел прямо в студенческие комнаты, где велел при себе переворачивать тюфяки на студенческих кроватях и под одним тюфяком нашел тетрадь стихов. Очевидно, там были стихи, не дозволенные цензурой, и студент был отдан в солдаты.

Вскоре после этого посещения царя в университете были введены студенческие мундиры. Для Пирогова, как, очевидно, и для многих других малообеспеченных студентов, предстояло войти в новый расход.

И опять на помощь Николаю пришли его сестры. Они, по словам Николая Ивановича, «ухитрились смастерить мне из старого фрака какую-то мундирную куртку с красным воротником и светлыми пуговицами, но неопределенного цвета, и я, пользуясь позволением тогдашнего доброго времени, оставался на лекциях в шинели и выставлял напоказ только верхнюю, обмундированную часть тела» [18].

* * *

Медицинский факультет Московского университета в период учебы Н. И. Пирогова был известен именами таких ученых, как Юстус Христиан Лодер, Матвей Яковлевич Мудров, Ефрем Осипович Мухин, Федор Андреевич Гильдебрандт. К сожалению, другие профессора университета, как отмечает Николай Иванович, недостаточно владели научными средствами для преподавания своей науки и составляли живой контраст со своими знаменитыми коллегами.

Интересны и первые впечатления от профессоров университета, которые сложились у первокурсников. Они сразу заметили большую разницу между ними. Так, Пирогов вспоминает: «...поражала нас наружность профессоров, так как одни из них в своих каретах, запряженных четверкой, с ливрейными лакеями на запятках (как М. Я. Мудров, Ю. Х. Лодер и Е. О. Мухин), казались нам важными сановниками, а другие – инфантеристы⁶ или ездившие на ваньках во фризových шинелях – имели вид преследуемых судьбой париев» [19].

Одним из ярких профессоров университета был Ю. Х. Лодер, «друг Гете и учитель Гумбольдта» [20], который заведовал кафедрой анатомии. Его имя было широко известно не только в Москве. До своей службы в Московском университете Лодер был лейб-медиком Александра I, а в 1812 г. ему было поручено организовать устройство военных госпиталей на 6 тыс. офицеров и 30 тыс. нижних чинов. После войны он был главным доктором Московского военного госпиталя. В 1819 г. Лодера приглашают преподавать анатомию в Московском университете. Он имел большую анатомическую коллекцию, которую, уговорив попечителя Московского университета князя Оболенского, смог продать университету за громадную сумму – 125 000 руб. [21]. Справедливости ради надо сказать, что Лодер собирал ее постоянно, начиная еще с периода своей работы во Франции, Англии, Голландии и Германии, где сотрудничал с выдающимися анатомами и физиологами того времени.

В Московском университете Лодер организовал анатомический театр, издал первую часть «Анатомии тела человека» на латинском языке. Его перу принадлежал целый ряд монографий по анатомии и хирургии, изданных на различных европейских языках.

Свои лекции Лодер сопровождал анатомическими демонстрациями. Однако при практическом изучении анатомии от студентов не требовалось обязательного упражнения на трупах. «Я во все время моего пребывания в университете ни разу не упражнялся на трупах в препаровочной, не вскрыл ни одного трупа, не отпрепарировал ни одного мускула и довольствовался только тем, что видел приготовленным и выставленным после лекции Лодера», – с сожалением вспоминал Николай Иванович [22].

Ю. Х. Лодер, энергичный и предприимчивый человек, предложил москвичам простой и доступный метод лечения, который не потерял своего значения и в нынешние времена. Он смог внушить состоятельным, хлебосольным москвичам, отличающимся хорошей упитанностью, что минеральная вода и пешие прогулки способствуют выздоровлению и сохранению здоровья. К сожалению, даже в начале XXI века, когда писалась эта книга, далеко не все наши российские современники следуют этому простому и мудрому совету.

В 1825 г. Лодером было открыто популярное в Москве «Заведение искусственных минеральных вод». По сути дела, «Заведение» представляло собой прогулочный парк на берегу Москвы-реки, где пациенты совершали многочасовые прогулки. Чтобы они были нескучными, играла духовая музыка. Все, входящие в этот «парк здоровья», который начинал принимать пациентов в пять часов утра, получали кружку минеральной воды, которую должны были тут

⁶ Инфантерия – пехота. Вероятно, Н. И. Пирогов имел в виду профессоров, которые ходили на работу из-за нехватки средств пешком.

же выпить. Лечение стоило немалых денег – 300 рублей. Интересно, что со временем имя Лодера стало в России синонимом бездельника, а положили начало трансформации его фамилии в презрительную кличку лентяев – «лодырь» именно московские кучера. Они привозили своих господ к «парку здоровья» и затем были вынуждены ожидать их часами, наблюдая, как господа прогуливаются по парку. Обмениваясь между собой мнениями, они, очевидно, считали гуляющих господ бездельниками, которых Лодер «гуляет». Вот так имя профессора Московского университета Ю. Х. Лодера превратилось в «лодыря», общепринятый синоним лентяя. Существует еще одна легенда происхождения слова «лодырь», и тоже связанная с Ю. Х. Лодером. Профессор заставлял своих студентов для отдыха от занятий совершать вместе с ним пробежки по берегу Москвы-реки. Московские прохожие, глядя на бегущих студентов во главе с профессором, также полагали, что Лодер занимается безделицей, – «Лодырь гоняет», что также закончилось «лодырем».

В 1820–1830-е гг. кафедрой физиологии, судебной медицины и медицинской полиции заведовал знаменитый профессор Ефрем Осипович Мухин, который начал свою медицинскую деятельность еще во время осады Очакова войсками Суворова.

Мухин сыграл в судьбе Николая Ивановича Пирогова не просто заметную, а определяющую роль. Это был истинный «ревнитель русского начала» в отечественной медицине. Он готов был бескорыстно помогать способным и талантливым русским студентам, если замечал в них «искру божью», и каждый раз непритворно радовался встрече с дарованием, но еще больше радовался, если это дарование принадлежало его соотечественнику[23]. Неудивительно, что его острый и наметанный глаз смог сразу заметить в сыне Ивана Ивановича Пирогова способного и смышленного мальчика, поэтому он и помог тому поступить в Московский университет в 14 лет, а затем и дал путевку в профессорский институт при Дерптском университете.

Будучи деканом, Ефрем Осипович часто вызывал к себе Николая, интересуясь его успехами. Зная тяжелое материальное положение семьи Пироговых, он предложил матери сделать сына стипендиатом или казеннокоштным, но та отказалась, считая это унижительным.

Отечественная медицина обязана Мухину не только Н. И. Пироговым. По признанию И. В. Буяльского, Е. О. Мухин был первым, кто привил ему охоту и любовь к анатомии. Он всегда поощрял практическое изучение анатомии на трупах. Учениками Мухина были многие известные русские врачи, оставившие заметный след в отечественной медицине. Среди них – И. Е. Дядковский, А. А. Иовский, И. С. Веселовский, И. Я. Зацепин, П. П. Заблоцкий-Десятовский. Последний стал со временем первым председателем Русского хирургического общества Пирогова [24].

Как ученый, Е. О. Мухин был одним из первых, кто выступил с представлениями об организме как едином целом, все части и функции которого находятся в тесной связи между собой и окружающей средой, и создал новое для его времени учение о возбуждениях. Мухин много работал по созданию самостоятельной русской анатомической терминологии и разработал новый раздел анатомии – науку о слизистых сумках и синовиальных влагалищах.

Научную и преподавательскую деятельность Мухин сочетал с активной врачебной деятельностью, принимал участие в борьбе с эпидемиями холеры, пропагандировал гигиенические знания. Он разработал ряд новых методов лечения и изобрел паровую ванну, которая широко применялась при лечении холеры и ревматизма.

Лекции Мухина, наполненные образными сравнениями и яркими отступлениями, студенты слушали с большим вниманием и интересом. Николай Иванович вспоминает: «...для меня они были тем достопамятны, что я, посещая их аккуратно в течение 4 лет, ни разу не усомнился в глубокомыслии наставника, хотя и ни разу не мог дать себе отчета, выходя из лекции, о чем, собственно, читалось; это я приписывал собственному невежеству и слабой подготовке». Однако далее критический ум молодого докторанта, продолжившего образование в

Дерптском университете, тогда лучшим в Российской империи, позволил ему по-иному и с известным скепсисом оценить лекции своего уважаемого профессора:

«Только впоследствии, приехав в Москву на время окончания курса в Дерпте и нарочно сходя на лекцию Мухина, я убедился в моей невинности. Я слушал целую лекцию с большим вниманием, не пропустив ни слова, и к концу ее все-таки потерял нить, так что потом никак не мог дать себе отчета, каким образом Ефрем Осипович, начав лекцию изложением свойств и проявлений жизненной силы, ухитрился перейти под конец “к малине, которую мы с таким аппетитом в летнее время кушаем со сливками”» [25].

Трудно сказать, чего здесь больше: иронии, свойственной молодому докторанту к старому профессору, или сухости его характера, который не трогает такой аппетитный сюжет, как «малина со сливками». Но нельзя не привести и такие откровенные слова собственного осуждения, когда Николай Иванович вспоминал о Е. О. Мухине: «...чем же я отблагодарил его? Ничем. Скверная черта, но она не могла не проявиться во мне... Теперь я был готов наказать себя поклоном в ноги Мухину, но его давно след простыл» [26].

Еще одной знаменитостью Московского университета во время обучения Пирогова был профессор кафедры патологии и терапии Матвей Яковлевич Мудров, выдающийся русский клиницист. Мудров был одним из первых русских материалистически настроенных ученых-медиков, считавших, что заболевание развивается в результате воздействия на организм неблагоприятных условий окружающей среды. Для выявления конкретных причин развития заболевания и определения методов лечения он впервые в России ввел в клиническую практику метод опроса больного, заложив основы анамнеза. При клинических разборах больных с врачами и студентами Мудров обращал внимание на необходимость уделять внимание методам объективного обследования (пальпацию, перкуссию и аускультацию). Он предложил схему клинического обследования и впервые в России ввел систему ведения истории болезни. В своих лекциях Матвей Яковлевич предупреждал об опасности чрезмерного увлечения слабительными, рвотными, необоснованными кровопусканиями и, будучи выдающимся клиницистом, сам не увлекался лекарственной терапией.

По настоянию Мудрова для студентов были введены практические занятия в клинике, лабораториях, перевязочных, операционных. Он вместе с Мухиным настойчиво указывал на необходимость постоянного сравнения клинического течения заболевания с патологоанатомическими изменениями в больном организме и поэтому придавал огромное значение вскрытию трупов для развития медицины.

Конечно, в дальнейшем Николай Иванович критически оценивал и Матвея Яковлевича Мудрова. Так, он пишет, что его лекции были «не так совестливы и пунктуальны... много лекционного времени терял на разные отступления, часто приходившие ему ни с того ни с сего в голову. Так, однажды большая половина лекции состояла в том, что он какого-то провинившегося кутилу-студента из семинаристов заставил читать молитву на Троицын день... Чтение о добродетелях врача и истолкование притчи Гиппократ брало от научных лекций также немало времени» [27].

Как известно, учат не только положительные, но и отрицательные примеры. Став профессором, Николай Иванович, по-видимому, уже не отвлекался на отступления, сосредоточив все свое внимание и внимание аудитории только на строго излагаемом предмете.

В то же время Н. И. Пирогов упоминает, что Мудров «много мне принес пользы тем, что беспрестанно толковал о необходимости учиться патологической анатомии, о вскрытии трупов... и тем самым поселил во мне желание познакомиться с этой *terra incognita*. Но сам он, как я видел однажды при вскрытии тифозного (трупа. – А.К.), был белоручкой, очевидно, незнакомым с этим делом. Когда один студент начал вскрывать кишку, чтобы найти там *inflammatio*

*membranae mucosae gastro-intestinalis*⁷, Матвей Яковлевич убежал на самую верхнюю ступень анатомического амфитеатра и смотрел оттуда, конечно, притворяясь, будто что-нибудь видит, и в извинение своего бегства от патологической анатомии приводил только: «Я-де стар, мне не по силам нюхать вонь»» [28].

Нельзя между тем не заметить, что Матвей Яковлевич Мудров погиб на медицинском посту, выполняя свой долг врача. Тем самым он своим личным примером подтвердил высокие моральные принципы, которые регулярно пропагандировал на своих лекциях и докладах. Уместно будет напомнить, что еще в 1813 г., в день открытия медицинского факультета, восстановленного после вражеского нашествия и пожара, Мудров произнес торжественную речь «Слово о благочестии и нравственных качествах гиппократова врача», а в 1819 г., при заложении здания клинического института, которым он стал руководить, выступил с докладом «Поучительная речь к медицинским питомцам».

В 1830 г. М. Я. Мудров, как член центральной комиссии по борьбе с холерой, выехал в Саратов, а в 1831 г. был направлен в Петербург для организации помощи холерным больным. Во время этой эпидемии в Петербурге был знаменитый холерный бунт на Сенной площади, который Николай I смог лично усмирить. После начала эпидемии, когда заболевших холерой начали свозить в больницы, где они быстро умирали, их родственники устраивали погромы, во время которых были убиты врачи и их помощники. Одним из погибших был двоюродный дед В. И. Ленина (Ульянова), доктор Д. Д. Бланк, выпускник Медико-хирургической академии. Бланк выявил первого заболевшего холерой в эту эпидемию. Президент Центральной холерной комиссии профессор М. Я. Мудров, который находился в одной из больниц, подвергшейся погрому, смог спастись, только укрывшись в доме графа С. С. Уварова⁸. Однако вскоре он заразился и 31 июля того же года умер. М. Я. Мудров был похоронен на холерном кладбище, которое примыкало к Выборгскому римско-католическому кладбищу. В настоящее время оба кладбища ликвидированы⁹.

Хирургию в университете преподавал профессор Федор Андреевич Гильдебрандт, искусный практик, однако, по мнению Николая Ивановича, «как профессор он был из рук вон плох». Ф. А. Гильдебрандт так сильно гнусавил, что, стоя на лекциях в двух-трех шагах от него, трудно было понять, что он читает, тем более что читал и говорил он на латыни. Студенты подозревали, что профессор страдал хроническим насморком и поэтому курил постоянно сигарку. Это был единственный индивидуум в Москве, которому было разрешено курить на улицах.

Хирургия была предметом, которым будущий великий хирург в Московском университете почти не занимался. Она, по его словам, была для него в то время «наукой неприглядной и вовсе не понятной». Операций на трупах не было и в помине. Из операций Николай Иванович смог увидеть только несколько литотомий у детей с камнями мочевого пузыря и только однажды увидел ампутацию голени.

* * *

В 1827 г., во время одной из лекций, профессор М. Я. Мудров, по словам Н. И. Пирогова, «вдруг, ни с того ни с сего, начинает нам повествовать о пользе и удовольствии от путешествий по Европе, описывает восхождение на ледники альпийских гор, рассказывает о бытѣ-житѣе в Германии и Франции, о пуховиках, употребляемых вместо одеял немцами, и пр. и пр. И только к концу лекции, проговорив битый час, М. Я. Мудров объявляет, что по высочайшей воле при-

⁷ Воспаление слизистой оболочки желудочно-кишечного тракта (*лат.*).

⁸ Штейн М. Г. Ульяновы и Ленины. Тайны родословной и псевдонима. – СПб.: ВИРД, 1997. – С. 70–71.

⁹ Исторические кладбища Петербурга. – СПб.: Изд. Чернышева, 1993. – С. 560–562.

зываются желающие из учащихся русских университетов отправиться для дальнейшего образования за границу».

Вскоре после этого Николая Пирогова приглашает к себе его добрый гений декан Ефрем Осипович Мухин и настойчиво советует молодому человеку продолжить образование в Дерптском университете. «Вот, поехал бы! Приглашаются только одни русские; надо пользоваться случаем». – «Да я согласен, Ефрем Осипович», – буркнул я, нисколько не думая и не размышляя. Как объяснить эту неожиданную для меня решительность?.. Но насколько я помню, мне кажется, что главной причиной скорого решения было мое семейное положение... Нет ни средств, ни связей, не найдешь себе и места. В то же время было и неотступное желание учиться и учиться.

Московская наука, несмотря на свою отсталость и поверхностность, все-таки оставила кое-что, не дававшее покоя и звавшее вперед» [29].

Мухин предложил ему самому выбрать предмет занятий. После недолгих колебаний юный Пирогов выбрал хирургию – науку, основанную на знании всегда интересовавших его анатомии и физиологии. Вот как он сам потом объяснил свой выбор: «...где-то издадека, какой-то внутренний голос подсказал тут хирургию. Кроме анатомии есть еще и жизнь, и, выбрав хирургию, будешь иметь дело не с одним трупом» [30].

В тот же день Николай явился в правление университета, нашел Е. О. Мухина, «объявил ему свой выбор и тотчас же был подвергнут предварительному испытанию, из которого узнал, что цель отправления нас за границу есть приготовление к профессорской деятельности; а так как для профессора прежде всего надо иметь громкий голос и хорошие дыхательные органы, то предварительное испытание и должно было решить вопрос, в каком состоянии обретаются мои легкие и дыхательное горло» [31].

За неимением в то время спирометров и по причине «полного незнакомства экзаменаторов с аускультацией и перкуссией» Ефрем Осипович заставил Николая громко и не переводя духа прочесть фрагмент из изданной им физиологии Ленгоссека, что он исполнил вполне удовлетворительно. После этого его имя было внесено в список желающих, т. е., как пишет Н. И. Пирогов, «будущих членов профессорского института». После этого он вернулся домой и объявил своим домашним торжественно и не без гордости, что «еду путешествовать на казенный счет».

Число русских, посылаемых для подготовки к профессорскому званию на два-три года в Дерптский университет, ограничивалось двадцатью избранниками. На самом деле их оказалось 21. После двухлетнего пребывания в Дерпте они должны были отправиться еще на два года в заграничные университеты и потом служить известное число лет профессорами в ведомстве Министерства народного просвещения. Николай еще узнал, и это было для него совсем немаловажно, что на содержание в Дерпте выделялось 1200 рублей ассигнациями ежегодно. На путевые издержки также полагалась особая денежная сумма. Отобранные молодые выпускники русских университетов должны были еще подвергнуться предварительному испытанию в Петербургской академии наук.

Николай Пирогов начал готовиться к лекарскому экзамену. Он прошел, как вспоминает Николай Иванович, «очень легко для меня, даже легче обыкновенного, весьма поверхностно, может быть, потому, что мое назначение в кандидаты профессорского института считалось уже эквивалентом лекарского испытания».

* * *

«Итак, я окончил курс, – подводит итоги своему обучению на медицинском факультете Московского университета Н. И. Пирогов, – не сделал ни одной операции, не исключая кровопускания и выдергивания зубов, и не только на живом, но и на трупе не сделал ни одной и

даже не видел ни одной, сделанной на трупе операции. Отношение между нами, слушателями, и профессорами ограничивалось одними лекциями» [32].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.